

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

О. Я. Баев,

*доктор юридических наук, профессор
Воронежского государственного университета*

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ

При всем разнообразии формулировок (отдельные из которых будут приведены ниже) все исследователи едины во мнении, что криминалистическая методика представляет собой приложение и соответствующую интерпретацию достижений частных теорий этой науки, криминалистической техники и криминалистической тактики к специфике расследования отдельных видов и категорий преступлений.

Поэтому, думается, в принципе можно согласиться с меланхолическим замечанием Ю. П. Гармаева и А. Ф. Лубина о том, что при всем спектре современных определений этой категории и ее содержания при ближайшем рассмотрении можно увидеть, что по сути в своих воззрениях на криминалистическую методику современные криминалисты не так далеко ушли от взглядов на нее В. И. Громова, в 1929 г. предложившего сам термин «методика расследования отдельных видов преступлений», и Б. М. Шавера, в 1938 г. сформулировавшего понятие и задачи этого раздела науки криминалистики¹.

Так, по мнению Б. М. Шавера, «часть науки советской криминалистики, обобщающая опыт расследования отдельных видов преступлений, определяющая в строгом соответствии с требованиями советского уголовного процессуального закона и специфическими особенностями каждой категории дел научные приемы и методы раскрытия, расследования и предупреждения этих преступлений, называется методикой расследования отдельных видов преступлений, или частной методикой»².

Практически аналогичное определение криминалистической методики спустя много лет давал И. А. Возгрин: «Криминалистическая методика расследования преступлений, являясь самостоятельным заключительным разделом науки криминалистики, изучает закономерности организации

¹ См.: Гармаев Ю. П., Лубин А. Ф. Проблемы создания криминалистических методик расследования преступлений: Теория и практика. СПб., 2006. С. 29.

² См.: Криминалистика. Часть вторая / Под ред. С. П. Митричева и П. И. Тарасова-Родионова. М., 1952. С. 4.

работы следователей по уголовному преследованию лиц, совершивших преступные деяния, в целях выработки в соответствии с требованиями законов научно обоснованных и практически проверенных эффективных частных методик расследования отдельных видов преступлений»³.

Более четка, на наш взгляд, дефиниция, предложенная Р. С. Белкиным: криминалистическая методика есть «синтезирующий раздел криминалистики, объединяющий положения криминалистической техники и криминалистической тактики в их специфическом преломлении применительно к условиям и задачам расследования конкретного вида преступлений. Содержит систему научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и осуществлению расследования и предотвращения преступлений»⁴.

Приведем несколько достаточно очевидных примеров, раскрывающих суть этого определения. Если криминалистическая техника разработала научные основы и методики работы с дактилоскопическими следами (пальцев рук, губ, ушей человека), то частная криминалистическая методика расследования создает системы рекомендаций о том, на каких объектах наиболее вероятно наличие подобных следов, и раскрывает доказательственную значимость их обнаружения и идентификации с определенным лицом. Скажем, при расследовании насильственных преступлений наиболее значимо их обнаружение на орудии преступления, при расследовании взяточничества — на предмете взятки (хотя, обратим внимание, сами методы и методики криминалистической техники при этом модифицируются нечасто).

Если следственная тактика — суть средства предупреждения и преодоления противодействия при производстве отдельных действий и в целом при осуществлении уголовного преследования, то частная криминалистическая методика расследования интерпретирует эти средства к возможным особенностям оказания такого противодействия при расследовании преступлений отдельных видов. К примеру, следственная тактика обосновала постулат о том, что эффективность допроса напрямую обусловлена установлением следователем психологического контакта с допрашиваемым, разработала принципы и общие приемы его установления. Однако, естественно, что способы установления контакта разительно отличны в зависимости от того, допрашивается лицо в связи с его уголовным преследованием в совершении или коррупционного преступления либо, например, сексуального посягательства. Частная методика и дает рекомендации по способам установления контакта при расследовании преступлений соответствующего вида (об этом более подробно будет говориться далее)⁵.

³ Возгрин И. А. Введение в криминалистику. СПб., 2003. С. 240.

⁴ Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М., 2000. С. 101.

⁵ Заметим, что Р. С. Белкин в своем определении не отразил то, что при создании частной криминалистической методики соответствующей интерпретации подлежат не только средства и методы техники и тактики. В таковой методике, на наш взгляд, творчески преломляются и достижения частных криминалистических учений (в первую очередь, о механизмах слеодообразования).

Отсюда с очевидностью следует, что криминалистическая методика носит ярко выраженный прикладной характер, непосредственно обеспечивающий эффективность реализации назначения (задач) судопроизводства по уголовным делам о преступлениях, относящихся к отдельным их криминалистическим классификациям (об этом будет говориться ниже). Данная, думается, бесспорная посылка делает вполне обоснованным изучение проблем криминалистической методики с позиций прагматического к ним подхода. Теоретическая правомерность этого, как представляется, вытекает из самой сущности прагматизма как философского учения⁶, которое видит наиболее яркое выражение человеческой сущности в действии и ценность или отсутствие ценности мышления ставит в зависимость от того, является ли оно действием, служит ли оно действию, жизненной практике⁷. Прагматизм рассматривает значение понятий, суждений и прочего в терминах практических последствий основанного на них действия⁸.

В первую очередь, такой подход позволит, как представляется, несколько иначе, более «прагматично», чем в известных нам работах других криминалистов, рассмотреть основные системообразующие элементы и их взаимосвязи (структуру) криминалистической методики.

Нет сомнений в том, что обобщение криминалистикой опыта расследования преступлений, относящихся к отдельным видам, — «от Шавера до Белкина», главным образом преследовало и преследует цель выявления, обнаружения в этом неких общих черт, позволяющих использовать их при расследовании конкретных преступлений и формулируемых криминалистами в виде постулатов (теоретических, научных положений), на основе которых и разрабатываются частнометодические рекомендации. По существу эти положения представляют собой результаты проявления выявленных при изучении криминалистического опыта и теоретически обоснованных закономерностей, изучение которых составляет предметную область криминалистики в преломлении их, как сказано выше, к задачам данного раздела этой науки.

⁶ Понятие прагматизма введено в философию в 1878 г. американским исследователем Чарльзом С. Пирсом (см.: *Пирс Чарльз Сандерс*. Начала прагматизма. СПб., 2000).

⁷ См.: *Философский энциклопедический словарь*. М., 1999. С. 359.

⁸ См.: *Философская энциклопедия*. М., 1967. Т. 4. С. 336—337.

В частности, с учетом непомерного числа научных публикаций, посвященных различным аспектам криминалистической методики — от статей в периодической юридической печати до диссертаций и монографий — данный методологический подход избавляет нас от необходимости в очередной раз излагать историю возникновения и развития этой одной из основных категорий криминалистики и синтезирующего раздела этой науки. С этих же позиций мы не считаем необходимым вовлекаться в дискуссии по многочисленным теоретическим аспектам криминалистической методики, которые при всей своей несомненной важности все же, на наш взгляд, непосредственно «не являются действием, не служат непосредственно ему».

Аксиоматично, что к таковым, в первую очередь, относятся закономерности механизма совершения преступления и его отражения во вне, ибо реконструкция любого события, имевшего место в прошлом, возможна лишь на основе логического осмысливания возникших в результате события следов⁹.

В криминалистической литературе механизм совершения преступления чаще всего рассматривается как сложная динамическая система, структурируемая его подготовкой, совершением и сокрытием¹⁰, а если говорить более обобщенно, — сам «механизм преступного поведения (как о том пишет В. Е. Корноухов) детерминируют две подсистемы — свойства личности и внешняя среда»¹¹. В принципе такое понимание структур данных механизмов (совершения преступления и преступного поведения) возражений, на наш взгляд, вызвать не может. Более того, оно представляется верным и с позиций системного подхода к изучению сложных объектов, одно из основополагающих положений которого гласит: «поскольку свойства системы присущи только ей самой, но не ее частям, то стоит разделить ее на части, как эти свойства исчезнут... Разделив систему надвое, мы получим не две меньшие, а одну недействующую»¹².

Однако нисколько не преуменьшая неразрывную значимость данных элементов (личности и среды) в структуре механизма совершения *конкретного* преступления, *конкретного* преступного поведения, по нашему убеждению¹³, с прагматических позиций для понимания механизмов

⁹ Вот как на сугубо прагматическом уровне и в самом умышленно огрубленном виде (диктуемом жанром и сюжетом произведения) изложили это положение братья Стругацкие:

— Я заснул на берегу океана... Когда я проснулся, то увидел: на мокром песке возле меня следы человеческих ног. Я поразмыслил и понял: пока я спал, мимо меня прошел человек. Откуда я это узнал? Ведь я не видел человека, я увидел только следы. Я размышлял: раньше следов не было; теперь следы есть; значит, они появились, когда я спал. Это человеческие следы — не следы волн, не следы камня, который скатился с горы. Значит, мимо меня прошел человек. Так размышляем мы. ...» (*Стругацкие Аркадий и Борис. Неназначенные встречи*. М., 1980. С. 296).

¹⁰ См.: *Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия*. М., 2000. С. 117. Многие теоретические проблемы механизма преступления исследованы А. М. Кустовым (см.: *Кустов А. М. Теоретические основы криминалистического учения о механизме преступления*. М., 1997) и А. Ф. Лубиным (*Лубин А. Ф. Механизм преступной деятельности. Методология криминалистического исследования*. Н. Новгород, 1997).

¹¹ Курс криминалистики. Общая часть / Под ред. В. Е. Корноухова. М., 2000. С. 39.

¹² *Коннор Д. О., Макдермотт И. Искусство системного мышления*. М., 2006. С. 35.

¹³ По одному остроумному замечанию, «убеждения это то, что мы, вопреки всем свидетельствам, считаем истинным» (*Коннор Д. О., Макдермотт И. Указ. соч.* С. 80).

преступления и преступного поведения как *категорий* криминалистики первостепенное значение имеет несколько иная система, которую вряд ли можно непосредственно отнести к среде: диспозиции определенных статей уголовного закона, типовые способы и типовая мотивация возможной ее реализации субъектом. Дело, на наш взгляд, в том очевидном факте, что для совершения преступления, относящегося к тому или иному виду, лицу *независимо от его субъективных качеств и криминальной ситуации* (о значимости которых с позиций методики речь пойдет ниже) необходимо совершить ряд типовых действий.

Сущность и характер рассматриваемых действий предопределяются:

а) Содержанием соответствующей главы Общей (в частности, расположенной в ее втором разделе¹⁴) и Особенной частей УК РФ (объектом посягательства), а если рассматривать эту проблему с сугубо прагматических позиций, в первую очередь, содержанием диспозиции отдельной нормы (норм) уголовного закона, которая очерчивает непосредственный объект и предмет определенного уголовно наказуемого посягательства.

Так, для совершения убийства субъекту, вновь повторим, независимо от своих личных качеств и криминальной ситуации, необходимо противоправно и виновно лишить потерпевшего жизни; в противном случае о совершении оконченного преступления — убийства говорить не приходится. Для изнасилования субъекту необходимо путем применения насилия или с угрозой его применения преодолеть сопротивление потерпевшей, либо использовать ее беспомощное состояние и совершить половой акт — иначе в действиях этого субъекта не будет содержаться объективной стороны деяния, предусмотренного ст. 131 УК РФ (далее — УК); для совершения кражи — тайно похитить чужое имущество; для грабежа — похитить его открыто, и т.д. Здесь, думается, необходимо следующее отступление.

Действия, составляющие объективную сторону состава многих преступлений, с криминалистических позиций не только весьма сходны, но практически аналогичны. К примеру, для следователя нет принципиальной разницы, какой тяжести телесные повреждения были причинены потерпевшему — легкие, средней тяжести или тяжкие, хотя ответственность за их причинение предусмотрена в отдельных статьях УК; главное с этих позиций, что потерпевший продолжает оставаться источником информации о преступлении и его обстоятельствах.

В то же время расследование причинения тяжкого вреда потерпевшему, от которого он, не придя в сознание, скончался в больнице, принципиально не отличается от расследования убийства.

Расследование взяточничества аналогично расследованию коммерческого подкупа, несмотря на то, что уголовная ответственность за эти преступления предусмотрена отдельными нормами, более того, с учетом объекта посягательства — расположенными в разных главах УК.

¹⁴ Понятие преступления, его субъект, формы вины, виды соучастия и т.д.

Обратим внимание на то, что применительно к последнему примеру наш вывод полностью подтверждается тем, что уголовная ответственность за провокацию как взятки, так и коммерческого подкупа предусмотрена единой уголовно-правовой нормой (ст. 304 УК): с криминалистической точки зрения, повторим, методика расследования как провокации взятки, так и провокации коммерческого подкупа одинакова.

Сказанное, на наш взгляд, крайне актуализирует необходимость создания стройной системы криминалистической классификации преступлений, можно сказать, — криминалистического Кодекса. Не случайно, что в настоящее время проблемам криминалистических классификаций преступлений (по совершенно различным и, думается, не всегда с прагматических позиций обоснованным основаниям) в литературе по праву уделяется существенное внимание¹⁵.

Например, В. Е. Корноухов, положив в основание классификации единые, как ему представляется, закономерности отражения механизма преступлений, совершаемых в отдельных областях жизнедеятельности их субъектов, предложил классифицировать все преступления на совершенные в сфере быта и досуга, в сфере экономики и в сфере жизнеобеспечения общества¹⁶; В. В. Николайченко в своем диссертационном исследовании предпринял не менее, на наш взгляд, дискуссионную попытку объединить в одну криминалистическую классификационную группу пенитенциарные и постпенитенциарные преступления¹⁷.

Заметим также, что криминализация отдельных деяний с логической неизбежностью предполагает изучение механизма их совершения с позиции сформулированных законодателем их уголовно-правовых диспозиций и, напротив, декриминализация неких деяний делает бессмысленным дальнейшее исследование этих проблем. В связи с этим нам представляется, что применительно к методике речь следует вести не просто о расследовании отдельных видов преступлений, а о расследовании криминалистически определенных видов преступлений, структурированных на основе научно обоснованных криминалистических классификаций преступлений.

И еще одно замечание: следователь все же расследует не отдельный вид преступлений, а преступление, относящееся к тому или иному криминалистически определенному виду преступлений. А потому, думается, с прагматических позиций более корректно при разработке практических рекомендаций криминалистической методики использовать именно такое словосочетание: *методика расследования преступлений отдельных криминалистических видов*.

¹⁵ Проблемам криминалистической классификации преступлений посвящены работы Р. С. Белкина, И. Ф. Герасимова, В. А. Образцова и многих других известных криминалистов.

¹⁶ См.: Курс криминалистики. Общая часть / Под ред. В. Е. Корноухова. М., 2000. С. 50—92.

¹⁷ См.: Николайченко В. В. Пенитенциарные и постпенитенциарные преступления: Дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. С. 10 и др.

Возвратимся, однако, к типовым действиям, которые должен совершить субъект преступления для реализации той или иной нормы уголовного закона. Нам представляется, что именно установление этого исходного элемента механизма преступления составляет задачи доследственной проверки заявления или сообщения о факте предполагаемого криминального события. Условно данный этап можно, думается, именовать пилотажной (предварительной) реконструкцией события преступления. Сущность его заключается в «переборе» выявляемых фактов, делающих наиболее вероятной одну из типовых версий, которой гипотетически можно объяснить исследуемое происшествие. Так, смерть человека можно объяснить исчерпывающим перечнем приведших к такому исходу причин (типовых версий): ненасильственная смерть; несчастный случай; самоубийство; убийство. Выявленную у материально ответственного лица недостачу ценностей — естественно иным, но также исчерпывающим перечнем причин: счетной ошибкой; кражей, совершенной посторонними лицами; халатностью, злоупотреблением служебным положением; присвоением этих ценностей материально ответственным лицом.

Придя к выводу о том, что наиболее вероятным на данной стадии представляется криминальный характер исследуемого события, следователь (под ним мы здесь и далее условно понимаем и дознавателя, и прокурора) на этом основании возбуждает уголовное дело *по признакам преступления, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ* (ст. 140; приложения 12—14 к ст. 476 УПК; выделено нами. — О. Б.).

Приведенные формулировки УПК с очевидностью свидетельствуют о том, что на данной стадии осуществляется именно пилотажная, предварительная реконструкция события преступления, далеко еще не означающая ее достоверности: в конечном счете может быть установлено, что деяние либо не является преступным, либо должно быть квалифицировано по другой статье, чем та, по признакам которой возбуждается уголовное дело.

Заметим, что, на наш взгляд, подобная пилотажная реконструкция события преступления является задачей и существенной части первоначального этапа расследования по возбужденному уголовному делу, особенно в тех случаях, когда без производства следственных действий сделать достоверный вывод о том, носит ли исследуемое деяние криминальный характер, невозможно.

б) Реально возможными способами реализации субъектом объективной стороны диспозиции определенного уголовно наказуемого деяния, которое он решил совершить¹⁸.

¹⁸ «Под способом совершения преступления, — справедливо, на наш взгляд, пишет В. Е. Корноухов, — следует понимать систему действий, приемов, операций, которые направлены на достижение преступной цели и объединены пространственно-временными рамками» (Курс криминалистики. Общая часть / Под ред. В. Е. Корноухова. С. 44).

Так, задумав убийство, преступник может его совершить способами, лежащими в самом широком диапазоне: от использования для того бытовых предметов (молотка, топора и т. д.) до применения взрывных устройств, ядов и радиоактивных материалов. Несколько слов в отношении последнего способа: широко известен факт смерти 23 ноября 2006 г. в Лондоне в результате отравления полонием—210 бывшего сотрудника российских спецслужб Александра Литвиненко, дело о котором в настоящее время активно расследуется правоохранительными органами как Великобритании, так и нашей страны. Попутно заметим, что, насколько нам известно, то, что в данном случае имело место убийство, пока достоверно не установлено. Это еще раз подтверждает наш тезис о предварительном (пилотажном) характере реконструкции механизма совершения преступления на значительной части первоначального этапа расследования.

Преодолеть сопротивление потерпевшей насильник может также различно: от нанесения ей телесных повреждений до угрозы применения какого-либо предмета (пистолета, ножа) и т.п.; проникнуть в помещение для совершения квартирной кражи субъект может путем подбора ключа от входной двери или ее взлома, через форточку или балкон либо другим из возможных многочисленных способов.

Очевидно, что, говоря о способе совершения преступления, мы имеем в виду как все стадии реализации преступного умысла — от приготовления и исполнения до сокрытия преступления, так и во многом обусловленные выбранным способом возможные формы соучастия в его совершении — от соисполнительства до интеллектуального участия в нем (в виде организации или подстрекательства). Заметим, что здесь имеет место и достаточно отчетливо прослеживается и обратная связь: к примеру, совершение преступления группой лиц с определенными видами соучастия предопределяет и способы его непосредственного исполнения.

Можно с весьма высокой степенью вероятности предположить, что способы совершения преступлений одного вида достаточно стабильны, отступления от них, появление новых (и самих способов, и их вариаций) не так часто встречаются в практике расследования преступлений. Тем не менее это, как говорится, имеет место быть. Такие перманентные изменения объекта и предметов преступных посягательств обуславливаются, в частности, изменением экономических отношений в обществе и возможностями использования достижений научно-технического прогресса в криминальных целях.

Так, реанимация реального института частной собственности в нашей стране привела к ранее, многие десятилетия не встречающимся в следственной практике криминальным способам завладения ею — от инсценировок страховых случаев и подлогов завещаний до такого ранее не известного способа (во всяком случае, в нашей стране), как рейдерство. Развитие компьютерных технологий — от хакерства, мошенничеств в системах мобильной сотовой связи и хищений денежных

средств, хранящихся на пластиковых банковских картах, до широчайшего использования информационных ресурсов и возможностей Интернета в иных преступных целях. Именно это ставит перед криминалистами в качестве одной из основных задач не только своевременное отслеживание вновь возникших способов совершения преступлений, но и прогнозирование появления новых способов криминальной деятельности.

Из сказанного следует, что вторым шагом алгоритма частной криминалистической методики явится установление способа совершения преступления. Его осознание позволит следователю с весьма высокой степенью вероятности предположить необходимые действия преступника по подготовке, совершению и сокрытию исследуемого деяния: сформулировать такие же предположения об орудии насильственного преступления (оружии или ином предмете, в этом качестве использованном), о документах, использованных для совершения и сокрытия экономического или должностного преступного правонарушения. Это же, в свою очередь, приблизит следователя к наиболее целеустремленному определению объектов, на которых возникли следы от данного элемента механизма преступления, пониманию сущности таковых, а следовательно, определению действий, необходимых для их обнаружения, изъятия и исследования (о чем более подробно будет говориться чуть ниже).

в) Мотивами совершения преступления.

Мотивация преступлений как элемент механизма их совершения еще более стабильна, чем способы преступной деятельности. Колеблется она в достаточно узком, исторически мало изменяющемся диапазоне — от личных отношений между субъектами (зависти¹⁹, ревности, бытовых конфликтов и т.п.), желания удовлетворить противоправным образом свои личностные потребности (в том числе и извращенные²⁰) до социальных и экономических причин криминальной деятельности.

В самом широком смысле возможная мотивация преступлений опосредована в общем и непосредственном объекте преступления, что и предопределяет уголовно-правовую классификацию преступлений в наименованиях разделов и глав Особенной части УК (например: раздел «Преступления против личности» включает в себя главы «Преступления против жизни и здоровья», «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности» и т. д.; раздел «Преступления в сфере экономики» содержит главы от «Преступления против собственности» до «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях», и т.д.).

¹⁹ Вспомним мотивацию первого «документально зафиксированного» убийства: «И призрел Господь на Авеля и на дар его, а на Каина и на дар его не призрел. Каин сильно огорчился, и поникло лицо его. И ... восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его» (Быт. 4).

²⁰ Наиболее характерными примерами этого является мотивация преступной деятельности серийных сексуальных маньяков.

Непосредственная мотивация совершения преступления того или иного вида — то, как закон предопределяет действия субъекта по ее реализации. При совершении убийства с целью завладения имуществом потерпевшего действия преступника будут одни; при совершении убийства (может быть, того же потерпевшего и в тех же условиях) по сексуальным мотивам — другие. То же самое прослеживается при изучении механизма совершения, скажем, квартирных краж: одни действия на месте происшествия преступник будет совершать, если мотивом совершения кражи является завладение определенными предметами (антиквариатом, картинами и т.д.), другие — когда мотивом ее является «взять, что попадется».

Вторым постулатом, структурирующим прагматические основы криминалистической методологии, на наш взгляд, выступает следующее соображение. Типовые действия, которые преступник вынужден совершать при приготовлении, исполнении и сокрытии преступления криминалистически определенного вида, его мотивы и способы выполнения неизбежно и неукоснительно ведут к возникновению характерных следов на соответствующих преступлениям этого вида, их мотивации и способам реализации объектах. Иными словами, эти действия обуславливают механизм следообразования как объективно возникающего отражения (отображения) механизма самого совершения преступления²¹. Результаты такого процесса отражения возникают и существуют объективно, вне воли и сознания воспринимающих их субъектов.

Именно они — и только они — позволяют реконструировать механизм совершения преступления, создать адекватную его модель. «Именно в модели механизма преступления, — справедливо отмечают Ю. П. Гармаев и А. Ф. Лубин, — имеются такие свойства и их отношения, следствия которых позволяют формировать структуру конкретной методики расследования»²².

Здесь, однако, думается, уместно еще одно следующее небольшое отступление. Всегда — со времен Каина и Авеля — на местах преступлений оставались отпечатки пальцев рук; с момента возникновения огнестрельного оружия на использованных боеприпасах (ядрах, пулях, гильзах) всегда оставались трасологические отображения особенностей внутреннего канала ствола; всегда микрочастицы одежды нападающе-

²¹ Мы не можем согласиться с утверждением В. В. Николайченко о том, что «Содержание сознания субъекта преступной деятельности непосредственно отражается вовне и представляет собой механизм следообразования» (Николайченко В. В. Указ. соч. С. 131). Все же его, по нашему мнению, образует не само сознание субъекта, а его действия; именно они и ведут к следообразованию.

²² Гармаев Ю. П., Лубин А. Ф. Указ. соч. С. 57. Обратим внимание, что еще Б. М. Шавер первоначальной задачей методологии считал «с наибольшей точностью устанавливать, где обычно остаются следы преступлений данного вида». А решение этой задачи, разумеется, невозможно без уяснения механизма совершения этих преступлений, создания их адекватных моделей.

го переходили на одежду пострадавшего (и наоборот) как следствие контактного взаимодействия между этими лицами (разумеется, если таковое имело место).

Однако пока не были созданы и разработаны основы дактилоскопии, судебной баллистики, так называемой экспертизы наложения (исследования микрочастиц веществ и материалов) и не созданы соответствующие методики исследования этих видов информации, она не представляла интереса для следователей; была «вещью в себе», хотя, естественно, возникала и существовала объективно.

По мере того, как криминалистика не только осознает значимость отдельных результатов такого отражения для расследования преступлений, но и создает методики извлечения (обнаружения, фиксации), исследования и использования возникающей информации, эта ее часть осмысливается как следы преступления. Именно их и будет целенаправленно искать, а затем «перерабатывать» (изымать, исследовать и т.д.) следователь.

«Часть информации, — верно об этом же пишет Л. А. Суворова, — осознается следователем как след преступления лишь тогда, когда он воспринимает ее именно в этом качестве, а наука криминалистика имеет методики обнаружения, фиксации, извлечения и использования возникающей информации (части отражения) в уголовно-процессуальном доказывании»²³.

Обусловленные механизмом совершения преступления, относящегося к определенному виду, материальные и идеальные следы, как сказано, отражаются на соответствующих этому материальных объектах и в памяти так или иначе вовлеченных в орбиту совершения преступления лиц (потерпевших, свидетелей). Очевидно, что количество их различно и, видимо, конечно для соответствующего расследованию конкретного преступления уровня развития криминалистики: по преступлениям одного вида возникает большое количество следов материальных, другого же — следов идеальных. Так же обстоит дело со следами, отражающими участие отдельных лиц в совершении преступления, носящего групповой характер: действия исполнителя, как правило, влекут возникновение материальных следов, организатора и подстрекателя — чаще всего, лишь идеальных следов²⁴.

Сказанное позволяет сформулировать следующий прагматический постулат: типовые действия, необходимые для совершения преступления определенного вида, а потому, как показано, обуславливающие возникновение типовых следов на типовых для того объектах, с методологической точностью предполагают возможность их обнару-

²³ Суворова Л. А. Идеальные следы в криминалистике. М., 2006. С. 22.

²⁴ Именно поэтому столь насущно необходима незамедлительная правовая легализация сделок с правосудием, без чего, как то убедительно показывает международный опыт, выявление и изобличение интеллектуальных соучастников преступлений практически невозможно.

жения, извлечения, исследования и использования типовыми действиями следователя и других лиц и органов, осуществляющих уголовное преследование²⁵.

Основными из этих типовых действий являются (что очевидно) следственные действия и действия судебные, следственного характера, исчерпывающий перечень которых регламентирован уголовно-процессуальным законом (а также ряд других мероприятий, также предусмотренных УПК, например, извлечение информации из «иных документов» и т.д.).

Конечно, нет сомнений, что в процесс раскрытия и расследования преступлений все активней (что вполне правомерно и эффективно) вовлекаются результаты оперативно-розыскной деятельности, в ходе которой инициативно или по поручению следователя соответствующими ей методами и средствами обнаруживаются и извлекаются эти же типовые следы. Но, как известно, используются они в уголовно-процессуальном доказывании лишь в том случае, если отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам, а потому, чаще всего, опосредуются путем следственных действий (скажем, следственным осмотром видео- или аудиозаписи, осуществленной в процессе ОРД и приобщенной к делу в качестве вещественного доказательства, и т.п.).

Зная гносеологические возможности каждого из следственных и других действий и мероприятий по собиранию, исследованию и использованию отдельных видов следов преступления, возникающих (повторим) на типовых объектах и типовых по своему криминалистическому содержанию, можно без особого труда составить их набор, минимально необходимый для производства расследования конкретного преступления определенного вида.

На наш взгляд, с уверенностью можно констатировать следующее: чем разнообразней механизм слеодообразования, чем большее количество объектов, на которых остаются следы, отражающие механизм совершения преступления определенного вида, существует, чем разнообразней и стабильней сами эти следы, тем большими возможностями располагает следователь для переработки механизма слеодообразования, и, следовательно, — для раскрытия и успешного расследования этих преступлений.

Именно поэтому раскрытие и расследование умышленных убийств, как это ни парадоксально, значительно эффективней, чем, скажем, взяточничества, квартирных краж и многих преступлений других видов. Дело в том, что в результате совершения убийства следы возникают на таких как минимум объектах: 1) место происшествия; 2) тело и одежда погибшего; 3) орудие преступления; 4) мотив преступления; 5) тело и одежда исполнителя убийства; 6) идеальные следы (в памяти самого убийцы, очевидцев, других свидетелей). Следы эти весьма

²⁵ Как некогда заметил Г. Лонгфелло, «предвиденное должно обнаружить».

разнообразны и, главным образом, в силу своей материальности достаточно устойчивы.

В результате же, например, взяточничества количество следовоспринимающих объектов вдвое меньше: 1) документы, в которых отразилось действие, выполненное должностным лицом за взятку; 2) предмет взятки; 3) идеальные следы, главным образом, в виде показаний взяткодателя, посредника, взяткополучателя.

Механизм совершения квартирных краж в целом отражается на таком же количестве (но, естественно, иных) объектов: на месте происшествия; в виде похищенных предметов; в памяти потерпевшего, самого преступника, свидетелей, которым были переданы похищенные ценности. И, как сказано, этим во многом, если не в основном, объясняется то, что процент раскрываемости убийств значительно выше, чем квартирных краж, а большинство фактов взяточничества и коррупции либо вообще остаются латентными, либо уголовные дела по ним до суда «не доходят».

Говоря о механизме слеодообразования, следует также обратить внимание на то, что отсутствие, как будто необходимого, следа — это тоже след. Оно может указывать:

во-первых, на то, что в конкретных условиях (конкретной криминальной ситуации) у лица не было необходимости в некоем типом для механизма совершения этого вида преступлений действии. Например, отсутствие следов проникновения в помещение дает основание предположить, что кража из него (если сам факт ее совершения сомнений не вызывает) того от преступника не требовала, в частности, совершена лицом, имеющим в него свободный доступ;

во-вторых, на то, что неизбежно возникшие следы умышленно или по неосторожности после совершения преступления уничтожены (скажем, отсутствие отпечатков пальцев на оружии преступления, следов обуви на месте происшествия, и т.п.);

в-третьих, на то, что следы попросту не обнаружены следователем по различным причинам, в том числе и из-за непрофессионализма, незнания им методических основ расследования преступлений данного вида, незнания того, на каких объектах ему необходимо искать следы и в чем состоит их криминалистическая и доказательственная сущность. Заметим, что в отдельных случаях криминалистически значимые следы на изъятых следователем объектах могут остаться латентными в результате методически некачественного или поверхностного их исследования в рамках назначенных следователем экспертиз;

в-четвертых, наконец, если все указанные выше обстоятельства исключаются (необходимое действие для совершения преступления, по имеющимся сведениям, было произведено; следы от него не уничтожались; все возможные действия по их выявлению и исследованию были своевременны и качественно произведены), то отсутствие необходимого следа дает основание выдвинуть версию, ставящую под со-

мнение сам факт совершения преступления либо существенные обстоятельства последнего.

Например, если потерпевшая в своих показаниях сообщает, что насильник причинил ей телесные повреждения, а судебно-медицинская экспертиза таковых на теле потерпевшей не обнаружила, то это свидетельствует о том, что либо изнасилование вообще не имело места, либо не было связано с применением физического насилия, и поэтому показания потерпевшей об этом недостоверны. Установленная следственным экспериментом невозможность проникнуть через обнаруженный пролом в потолке в помещение, из которого согласно заявлению была совершена кража, делает вполне обоснованной версию об инсценировке этого преступления заинтересованным в том лицом.

Однако не только отсутствие как будто необходимых следов искажает типовой механизм слеодообразования. Не меньшее значение для этого имеет наличие следов, типовым механизмом совершения преступления вида, к которому относится расследуемое, не обуславливаемого. Существование их с прагматических позиций можно объяснить несколькими причинами.

Во-первых, что следы к совершению преступления отношения вообще не имеют (возникли до или после) и потому, по большому счету, к механизму совершения преступления отношения не имеют, следами преступления не являются, а лишь на определенном этапе расследования воспринимаются следователем как таковые.

«Я знаю случаи, — писал еще Ганс Гросс, — в которых С.С. (судебный следователь. — О. Б.) описывал с самой педантичной тщательностью положение трупа и приходил к остроумнейшим заключениям, как вдруг при дальнейшем расследовании оказывалось, что труп до прибытия С.С. был перевернут и оставлен в этом положении посторонними любопытными лицами. В одном же деле на предварительном следствии большое значение при осмотре трупа придано было найденному на трупе пиджаку, но затем выяснилось, что пиджак был накинут на труп для того, чтобы избавить прохожих от страшного вида раздробленного черепа»²⁶.

Во-вторых, что «лишние» следы созданы умышленно преступником для введения в заблуждение лиц, которые будут расследовать это событие, с целью либо обоснования его некриминального характера, либо создания сведений о совершении преступления неким не имеющим отношения к преступлению лицом (в том числе, легко по этим следам устанавливаемым).

В-третьих, то, что следы возникли в результате действий преступника, необходимость совершения которых логикой реализации механизма преступления не вызывалась, либо их совершение было предопределено непредвиденным для преступника развитием криминальной

²⁶ Гросс Ганс. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М., 2002. С. 158.

ситуации, либо, наконец, обусловлены исключительно субъективными, проявившимися при совершении преступления свойствами и особенностями личности преступника.

И, по нашему мнению, только на этом этапе, на этой основе (в противоположность мнению большинства криминалистов) — после осознания следователем типового механизма слеодообразования в результате совершения преступления определенного вида и обозначенных выше «отступлений» от него — для следователя «включается» личность конкретного преступника, модифицировавшего типовой механизм слеодообразования. Личность, которая создала криминальную ситуацию (или использовала определенную ситуацию для совершения преступления).

Иными словами, на данной основе начинается целеустремленная последовательная реконструкция механизма совершения преступления (напомним, что на предыдущем этапе реконструировалось само событие, которое с высокой степенью вероятности является преступным) и возникают возможности установления лица, его учинившего.

Дело в том, что типовой механизм совершения преступления определенного вида, как сказано, достаточно существенно трансформируется под воздействием на него личности преступника, его психических, интеллектуальных, психолого-физиологических и, наконец, просто физических свойств и особенностей; каждый преступник вносит в типовой механизм преступного поведения нечто свое, личностное.

Так, эти личностные особенности предопределяют пространственно-временные рамки механизма преступного поведения, очерченные действиями от начала реализации преступного умысла до сокрытия либо самого факта совершения преступления, либо своей причастности к нему. А потому, несомненно, механизм совершения так называемого предумышленного убийства, тщательно подготовленного, выполненного и сокрытого путем инсценировки определенного некриминального события, будет отличен от механизма убийства, может быть, того же потерпевшего, но совершенного спонтанно, ситуативно.

Криминальная ситуация во многом предопределяется особенностями личности, совершающей преступления определенных видов. Субъект преступления либо использует сложившуюся ситуацию, либо, напротив, конструирует ситуацию, наиболее благоприятную, по его мнению, для реализации имеющегося у него или незадолго до того возникшего преступного умысла.

Достаточно показательны в этом отношении данные, приводимые В. Е. Корноуховым: личность «преобладает» над ситуацией в 75 % совершения преступлений корыстной направленности, в 71 % совершения насильственных преступлений и лишь в 26 % преступлений неосторожных; «равновесие» личности и ситуации при совершении преступлений этих видов практически одинаково (19, 17, 23 % соответственно); личность частично «подавлена» ситуацией в 6 % случаев совершения корыстных преступлений, 12 % фактов преступлений насильственных и

в 69 % преступлений, совершаемых по неосторожности²⁷. С учетом этого, как нам представляется, возможно, во-первых, если не оптимальным, то, во всяком случае, рациональным образом работать со следами, возникшими в результате реализации механизма преступления определенного вида; во-вторых, выдвигать и верно формулировать версии об обстоятельствах, подлежащих установлению по каждому уголовному делу; в-третьих, определять рациональные следственные и другие действия и, во многом, их последовательность при осуществлении такой проверки.

Например, независимо от того, какая именно версия о лице, совершившем расследуемое убийство, и его мотивах сформулирована, одним из неотложных следственных действий явится судебно-медицинская экспертиза трупа потерпевшего, направленная на извлечение и исследование материальных следов с этого «объекта», результаты которой необходимы для проверки любой версии. Если подозреваемый дал «признательные» показания, то выявленные в результате этого идеальные следы потребуют их исследования на предмет того, насколько адекватно они отражают механизм совершенного преступления, путем проверки его показаний на месте и проведения других направленных на то следственных действий и мероприятий.

Обстоятельства, составляющие предмет доказывания по уголовному делу, достаточно строго очерчены и предопределены уголовно-процессуальным законом (ст. 73, 299, 421 УПК РФ). Однако необходимая прагматическая и познавательная сущность установления главных и промежуточных фактов в этих пределах с криминалистических позиций во многом обусловлена видом расследуемого преступления. Одни обстоятельства, обусловленные диспозицией соответствующей уголовно-правовой нормы, конкретным способом ее реализации и мотивом преступления в данной криминальной ситуации, подлежат установлению при расследовании убийства, другие при расследовании дачи-получения взятки.

Данная специфика, как уже отмечалось, всецело обуславливает интерпретацию достижений частных криминалистических теорий, технических и тактических средств при разработке соответствующей частной криминалистической методики. Скажем, при расследовании убийства наибольшее значение будут иметь обнаружение (и дальнейшее исследование) отпечатков пальцев на орудии преступления; при расследовании взяточничества — их обнаружение (и дальнейшее исследование) на предмете взятки; сами же технические средства и технико-криминалистические приемы обнаружения и исследования дактилоскопических следов, чаще всего, не меняются.

Указанная специфика предопределяет соответствующую интерпретацию в частной методике общих криминалистических положений об

²⁷ Курс криминалистики. Общая часть / Под ред. В. Е. Корноухова. С. 46.

организации и планировании расследования преступлений, начиная с момента получения сообщения о происшествии и выдвижения по нему типичных версий. Одни из них (продолжая приведенные ранее гипотетические примеры) будут формулироваться при обнаружении трупа, совершенно другие — при получении заявления о предстоящем факте дачи-получения взятки. Особенности присущи и организации последующего и заключительного этапов расследования преступлений криминалистически определенного вида — вплоть до архитектоники постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого и выполнения по делу требований ст. 217 УПК (с учетом, например, количества эпизодов и фигурантов по делу, роли каждого из них в преступной деятельности, и т.п.).

И наконец все сказанное всецело предопределяет — и это нам представляется весьма важным — интерпретацию тактики производства отдельных следственных действий, рационально учитывающую необходимость и возможности установления главных и промежуточных фактов при их проведении в самом широком диапазоне арсенала средств, разработанных криминалистической тактикой. Нет сомнений, что тактические средства установления контакта при допросе подозреваемого в убийстве отличаются от способов установления контакта с лицом, подозреваемым в совершении должностного преступления. При производстве обыска в жилище этих же подозреваемых усилия следователя будут направлены на обнаружение (в том числе и с использованием технических средств) совершенно разных предметов и документов, для сокрытия которых эти лица с учетом их социально-психологических свойств и особенностей будут использовать, как правило, также разные места в своих квартирах.

Следующий постулат прагматических основ криминалистической методики таков: возможности «переработки» механизма слеодообразования, последовательность следственных действий и других мероприятий, а зачастую, и сама сущность выяснения при этом необходимых обстоятельств, во многом предопределяются сложившейся следственной ситуацией (в методическом значении этой категории²⁸).

Сразу подчеркнем: механизм слеодообразования и следственные ситуации — это, образно говоря, «лестницы в соседних подъездах»; они не зависят друг от друга; если преступление определенного вида действительно было совершено, то, как сказано, типовые следы от него неукоснительно возникнут на типовых объектах. А вот возможности их переработки, обнаружения, извлечения и исследования, как сказано, обуславливаются возникающей ситуацией на каждом этапе расследования.

²⁸ В тактическом значении этой категории следственные ситуации различаются по степени конфликтности интересов взаимодействующих в ней лиц. О соотношении тактических и методических следственных ситуаций см.: Баев О. Я. Основы криминалистики. М., 2003.

Так, на первоначальном этапе расследования (наиболее сложном, характеризующемся, как правило, повышенной информационной неопределенностью) в самом широком смысле рассматриваемого понятия возможно возникновение следующих следственных ситуаций.

А) Известно событие, требующее реагирования правоохранительных органов (деяние, содержащее достаточные признаки преступления — ст. 140 УПК): необходимо установить, кто и при каких наиболее существенных обстоятельствах совершил его, наличие в действиях этого лица состава конкретного преступления, а также все другие обстоятельства, входящие в предмет доказывания по уголовному делу. Понятно, что это ситуация так называемого неочевидного преступления, когда следователь отталкивается в расследовании лишь от самого факта криминального события. Наиболее характерно возникновение этой ситуации для начала расследования большинства преступлений, регистрируемых по линии уголовного розыска — в частности, против личности насильственной или корыстно-насильственной направленности;

Б) Известно лицо, которое, по имеющейся информации, возможно, учинило уголовно наказуемое деяние: необходимо установить криминальный характер этого деяния, а также содержит ли оно все необходимые элементы состава того или иного преступления, а также все обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу в смысле ст. 73 УПК. Очевидно, что возникновение данной ситуации наиболее характерно для первоначального этапа расследования должностных и экономических преступлений, возбуждению уголовных дел о которых, чаще всего, предшествуют оперативно-розыскные разработки²⁹;

В) Известно криминальное событие, известно лицо, его учинившее: необходимо установить наличие или отсутствие всех элементов состава соответствующего преступления и другие обстоятельства, входящие в предмет доказывания по уголовному делу. Понятно, что это наиболее благоприятная для расследования следственная ситуация, характерная для задержания лица с поличным при совершении преступления или непосредственно после него.

Таким образом, в методическом отношении следственная ситуация в основном предопределяется двумя факторами: имеющейся на данный момент информацией и источниками ее получения.

К примеру, если потерпевшая от изнасилования сообщила, что посягательство совершило неизвестное ей лицо (лица), то, очевидно, что первоначальный этап расследования в основе своей носит чисто поисковый характер, направленный на установление данного лица. Эта задача предопределяет необходимость подробного выяснения у потерпевшей и возможных свидетелей примет насильника, проведения судебно-медицинской экспертизы потерпевшей и других экспертиз по объектам,

²⁹ Именно специфика и принципиальное различие данных ситуаций обуславливает то, что качество работы подразделений уголовного розыска оценивается по числу раскрытых, а органов БЭП — выявленных преступлений.

обнаруженным на месте происшествия, носящих диагностический, а затем и идентификационный характер. Если эта же потерпевшая заявляет, что посягательство совершило известное ей лицо, то характер первоначального этапа расследования существенно изменится. Он приобретет не столь поисковый (ибо лицо, совершившее преступление, известно), сколько исследовательский характер. Это потребует как минимум тщательного выяснения взаимоотношений между этими лицами, углубленного изучения личности заявительницы и т.п.

Здесь вновь обратим внимание на то, что если изнасилование действительно имело место, следы от него, независимо от ситуации, следует искать на одних и тех же объектах (на теле и в организме потерпевшей, ее одежде, на месте происшествия и т.п.). Это касается и преступлений, относящихся к другим криминалистически определенным видам. Если, к примеру, субъект совершил присвоение чужого имущества путем использования своего служебного положения, то материальные следы от него остались на типовых объектах (в документах, в виде предмета хищения и нажитого за счет преступления имущества и т.п.). Однако последовательность их извлечения, сама сущность направленных на то действий следователя будут всецело предопределены ситуацией возбуждения уголовного дела.

Одна последовательность и сущность действий по извлечению следов необходима, когда дело будет возбуждено по так называемым официальным материалам (акту документальной ревизии, статье в газете и т.п.), принципиально иная — если дело в отношении этого же субъекта по тем же фактам будет возбуждено на основе легализации предшествующей оперативно-розыскной деятельности. Как известно, в последней ситуации весь первоначальный этап расследования будет основываться на использовании эффекта внезапности (задержание с поличным, немедленные и параллельные обыски и выемки у предполагаемых соучастников, и т.п.). В первой из них потребуются совершенно иная последовательность и сущность действий по извлечению и переработке тех же следов. К ним, в частности, относятся: детальный допрос заподозренных по каждой позиции сличительной ведомости, встречные проверки документов в различных организациях и т.п. В то же время результативность первоначальных обысков в этой ситуации весьма мала; возможности их производства эти лица в данной ситуации предполагают, а потому к ним готовятся: уничтожают, уносят из своего жилища и скрывают в других местах документы, ценности и другие предметы, которые, на их взгляд, могут интересовать следователя и т.д.

Отметим, что при создании отдельных частных криминалистических методик названные нами общие следственные ситуации развиваются, приобретают более конкретный характер, существенным образом дифференцируются в зависимости от особенностей криминалистической классификации преступлений рассматриваемого вида, степени разрабо-

танности их криминалистической характеристики и, думается нам, самого подхода отдельных авторов к понятию следственной ситуации.

Так, если Н. Г. Шуруханов применительно к расследованию преступлений, совершаемых рецидивистами, выделил три следственные ситуации, а С. И. Болтенко вычленил одиннадцать возможных следственных ситуаций при расследовании этих преступлений, то А. К. Ковалиерис, разрабатывая эту же частную методику, дает рекомендации уже применительно к двадцати трем следственным ситуациям³⁰. От этого же — от того, как следственная ситуация представляется стороне защиты (самому лицу, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, и его адвокату) — во многом зависит схема поведения данного лица при его объяснениях по поводу возникшего в его отношении подозрения.

С прагматических для подозреваемого позиций основу выбора им определенной схемы поведения, думается, составляют те же факторы, что структурируют возникновение определенной следственной ситуации (в соответствующей, разумеется, модификации) — информация, которой, по его мнению, располагает в отношении его причастности к преступлению следователь, и ее источники. Несомненно, что на ее конструирование также влияют рефлексивные представления подозреваемого и (в большей степени, как профессионального юриста) его защитника о возможностях получения следователем дополнительной информации, усиливающей или ослабляющей обоснованность возникшего в отношении лица подозрения.

Перечень подобных схем возможного поведения, как нам представляется, также конечен для отдельных видов преступлений. К примеру, лицо, подозреваемое или заподозренное в совершении (исполнительстве) насильственного преступления, гипотетически может занять одну из следующих схем поведения при допросе:

1. Отрицать свое нахождение на месте совершения преступления (в том числе и выдвигая себе алиби).

2. Признавать факт своего нахождения в этом месте, но отрицать совершение преступления.

3. Признавать факт совершения вмененных ему действий, но объяснять их учинение причинами и обстоятельствами, либо вовсе исключаящими их криминальный характер (крайней необходимостью, необходимой обороной, добровольным отказом), либо смягчающими ответственность за их совершение (состоянием аффекта, неосторожной формой вины к наступившим в результате деяния последствиям).

4. Признавать совершение преступления в полном объеме осуществляющегося в отношении него уголовного преследования.

³⁰ Значительное количество несколько иных следственных ситуаций применительно к данной частной методике выделено и В. В. Николайченко, из работы которого мы заимствовали данную информацию (см.: *Николайченко В. В. Указ. соч. С. 270—272*).

5. Отказаться от дачи каких-либо объяснений по поводу возникшего в отношении него подозрения в соответствии со ст. 51 Конституции РФ.

Или другой пример. Лицо, задержанное непосредственно после получения, как полагают органы уголовного преследования, взятки, может занять одну из следующих позиций в отношении факта обнаружения у него предмета взятки:

1. Признать себя виновным в получении взятки.

2. Объяснить произошедшее учиненной в его отношении провокацией.

3. Объяснить факт обнаружения у него предмета взятки его некриминальным происхождением (в частности, возвратом долга, либо, напротив, получением его в долг, либо предыдущей оплатой стоимости предмета взятки, и т.п.).

4. Так же, как и в предыдущем примере, отказаться от дачи каких-либо объяснений по факту своего задержания.

Совершенно очевидно, что занятая подозреваемым лицом позиция окажет существенное влияние на развитие и модификацию возникшей ранее следственной ситуации, во многом обусловит сущность обстоятельств, которые следователь будет выяснять и при производстве практически всех других следственных действий и мероприятий, направленных как на проверку его показаний и изобличение его в совершении преступления, так и на проверку других следственных версий.

Заметим, что указанные схемы достаточно подвижны, мобильны. Подозреваемый (заподозренный) может сначала полностью признать себя виновным по существу возникшего в отношении него подозрения, а затем также полностью от своих «признательных» показаний отказаться. И, напротив — вначале отказываться от дачи каких-либо показаний, а впоследствии дать показания, в которых он либо не признает себя виновным, либо (как правило, убедившись в наличии у следователя достаточных доказательств для обвинения) признает себя виновным полностью или частично.

Данное положение — прямая зависимость методики защиты от уголовного преследования от криминальной и следственной ситуации — делает для нас необходимым обратить внимание на следующий, принципиально важный в контексте нашего исследования момент.

В последние годы в литературе все более утверждается совершенно, на наш взгляд, обоснованное мнение о том, что криминалистическая методика, как и вся криминалистика, все остальные теоретические и прикладные ее достижения, рассчитаны не на единственного (хотя и основного) «потребителя» — следователя. Ее субъектами являются и другие профессиональные участники уголовно-процессуального исследования преступлений.

Не случайно, что в последних работах³¹ Р. С. Белкин несколько

³¹ В том числе опубликованных после смерти этого выдающегося ученого (см. Курс уголовного судопроизводства: Учебник: В 3 т. / Под ред. В. А. Михайлова. М.; Воронеж, 2006. Т. 1. С. 122).

отошел от своего ранее приведенного понимания криминалистической методики как методики только расследования отдельных видов преступлений и стал рассматривать эту категорию более широко — как методику расследования и судебного рассмотрения отдельных видов преступлений. Говоря о структуре частной криминалистической методики применительно к судебному рассмотрению уголовных дел, он отмечает, что она на основе уголовно-процессуального закона отражает последовательность действий участников судебного процесса и содержание этих действий в ходе судебного следствия и в прениях сторон³². Как видим, здесь Р. С. Белкин не перечисляет субъектов криминалистической методики применительно к судебному рассмотрению преступлений, а весьма неопределенно пишет об участниках судебного процесса.

Однако нет сомнений, что профессиональными участниками данного процесса являются и прокурор — государственный обвинитель, и адвокат — защитник лица, в отношении которого этот процесс осуществляется: именно они предоставляют суду и исследуют в суде доказательства, их речи составляют содержание прений сторон³³.

Конечно, криминалистические методики расследования, возбуждения государственного обвинения и поддержания его в суде, имея общую цель — уголовное преследование, различаются между собой по структуре деятельности. Так, уголовное преследование при возбуждении государственного обвинения носит в большинстве своем, как нам представляется, аналитический характер. Поддержание государственного обвинения в суде в отличие от осуществляемого на предварительном следствии носит не столько поисковый, сколько исследовательский характер.

Все бóльшие предоставляемые законом возможности для адвоката-защитника участвовать не только в судебном, но и в досудебном производстве по уголовному делу с самых ранних его стадий, также, несомненно, логически и теоретически вполне корректны, предопределяют его «полноценное» место среди других субъектов — потребителей криминалистической методики (следователя, прокурора). Направленность же его деятельности в принципе, что вполне понятно, противоположна направленности уголовного преследования и по самой ее цели и по структуре как в досудебном, так и в судебном производстве по уголовному делу.

Однако *методические основы осуществления деятельности всеми профессиональными участниками уголовного судопроизводства на всех его этапах и стадиях едины* — рациональная «переработка» в целях выполнения своей процессуальной функции механизма слеодообразования, возникшего в результате совершения исследуемого преступления.

³² См.: Курс уголовного судопроизводства: Учебник: В 3 т. / Под ред. В. А. Михайлова.

³³ Факультативными профессиональными участниками судебного процесса (как и досудебного производства по уголовному делу) могут являться адвокаты — представители потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, адвокат свидетеля.

Так, следователь (что подробно рассмотрено выше) на основе познания механизма слеодообразования от преступлений отдельного вида обнаруживает следы, формирует из них доказательства, исследует их с точки зрения достоверности и достаточности по конкретному уголовному делу для обвинения конкретного лица в совершении конкретного преступления, предусмотренного определенной статьей УК.

Прокурор при возбуждении государственного обвинения, следуя определенному алгоритму, занимается анализом уголовного дела: изучает допустимость, достоверность и достаточность собранных следователем доказательств. Если он приходит к выводу, что эти доказательства адекватно отражают объективно возникший в результате совершения преступления механизм слеодообразования (и тем самым — механизм самого совершения преступления) в пределах предмета доказывания с учетом диспозиции вмененной обвиняемому уголовно-правовой нормы, он утверждает обвинительное заключение и направляет уголовное дело в суд. В противном случае он принимает одно из решений в рамках своих полномочий, предусмотренных п. 2—4 ч. 1 и ч. 2 ст. 221 УПК РФ.

С данных же позиций — необходимости рационального исследования доказательств, адекватно отражающих на основе переработки механизма слеодообразования механизм совершения вмененного подсудимому преступления — государственный обвинитель планирует и организует последовательность предоставления им суду доказательств (допросов отдельных лиц, оглашение заключений экспертиз и других материалов дела, подтверждающих обвинительный тезис). Заметим попутно, что по очевидным на то причинам наиболее ответственна и сложна реализация этого элемента методики поддержания государственного обвинения по групповым и многоэпизодным уголовным делам.

Указанная необходимость (с учетом уголовно-правовых и криминалистических особенностей вида исследуемого преступления) предопределяет круг обстоятельств, которые государственный обвинитель выясняет при судебном допросе тех или иных лиц и производстве иных судебных действий следственного характера. Очевидно, что эта методическая деятельность государственного обвинителя носит отчетливо выраженный ситуационный характер. Но такие ситуации (их условно можно именовать обвинительно-судебными) существенно отличны от следственных ситуаций, хотя цель деятельности и прокурора, и следователя одина: законное и обоснованное уголовное преследование.

Обвинительно-судебные ситуации, носят, как уже упоминалось, не столько поисковый, сколько исследовательский характер. Первоначальная из них структурируется для себя прокурором при подготовке к судебному рассмотрению дела и предопределяется степенью, на его взгляд, обоснованности уголовного преследования подсудимого. Изменение этой ситуации, ее усугубление с позиций поддержания обвинения в суде, на наш взгляд, обуславливается несколькими (зачастую взаимосвязанными) факторами:

а) исключение судом отдельных доказательств в связи с выявленной

их недопустимостью, что, естественно, усложняет поддержание возбужденного против подсудимого государственного обвинения (или в целом, делает это невозможным);

б) существенное изменение отдельными лицами показаний, данных на предварительном следствии «в пользу» подсудимого;

в) предоставление стороной защиты дополнительных и новых доказательств, ставящих под сомнение обоснованность обвинительного тезиса, которые не были предметом их проверки на предварительном следствии.

Именно в данных ситуациях наиболее значимо использование государственным обвинителем всего своего методического потенциала; прокурор зачастую вынужден менять ранее запланированную последовательность предоставления доказательств суда, прибегать к повторным, перекрестным и шахматным допросам, интерпретировать вопросы, на выяснение которых эти и другие производимые по его инициативе судебные действия следственного характера направлены.

Придя к выводу о том, что и исключение судом отдельных доказательств обвинения как недопустимых, и модификация обвинительных доказательств в ходе судебного следствия, и доказательства, предоставленные стороной защиты, не колеблют того факта, что они адекватно на основе механизма следообразования отражают механизм совершения подсудимым вмененного ему преступления, прокурор поддерживает обвинение против подсудимого в полном объеме возбужденного в отношении него государственного обвинения. В противных случаях он полностью или частично от этого отказывается (исключая отдельные вмененные подсудимому эпизоды, предлагая более мягкую квалификацию его преступных действий).

Попутно обратим внимание на то, что в ряде случаев обвинительно-судебная ситуация может изменяться и в более благоприятную сторону, чем та, какой она представлялась прокурору при подготовке к поддержанию государственного обвинения: ознакомившись с материалами завершеного расследования, обвиняемый, ранее отрицавший свою вину, в суде полностью или частично признает себя виновным; свидетель, на предварительном следствии давший показания в интересах подсудимого, признал, что они носили ложный характер, и т.п.

Защитник лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование и на которого, как известно, бремя доказывания не возложено, свою «переработку» механизма следообразования осуществляет, естественно, с иных позиций: он обосновывает то, что этот механизм, «воплощенный» в доказательствах обвинения, в той или иной степени ущербен, а потому не отражает с достаточной полнотой:

- а) механизма совершения какого-либо уголовно наказуемого деяния;
- б) всех необходимых элементов состава преступления вмененного его подзащитному деяния (в связи с чем действия подзащитного либо также не являются преступными, либо подлежат квалификации по иной статье УК, предусматривающей меньшую ответственность);
- в) всех необходимых следствий, позволяющих сделать однозначный

достоверный вывод из версии о том, что исследуемое органами уголовного преследования деяние совершил именно его подзащитный (либо, напротив, с достоверностью или высокой степенью вероятности свидетельствует о совершении преступления другим лицом).

Профессиональной обязанностью адвоката осуществления переработки механизма слеодообразования именно с этих позиций (он связан, как известно, с позицией своего доверителя) и предопределяется методика защиты по уголовному делу. В том числе: круг обстоятельств, которые он должен выяснять при своем участии на предварительном следствии, при собирании им доказательств в порядке ст. 86 УПК, при участии в исследовании доказательств обвинения в судебном заседании; рациональная последовательность предоставления доказательств защиты в суде; сущность и стадия заявления им ходатайств как на предварительном следствии, так и в суде, и, наконец, методически верное обоснование своей позиции в судебных прениях сторон.

Защитные ситуации по основанию стадии уголовного судопроизводства их возникновения можно также условно классифицировать на защитно-следственные и, соответственно, защитно-судебные.

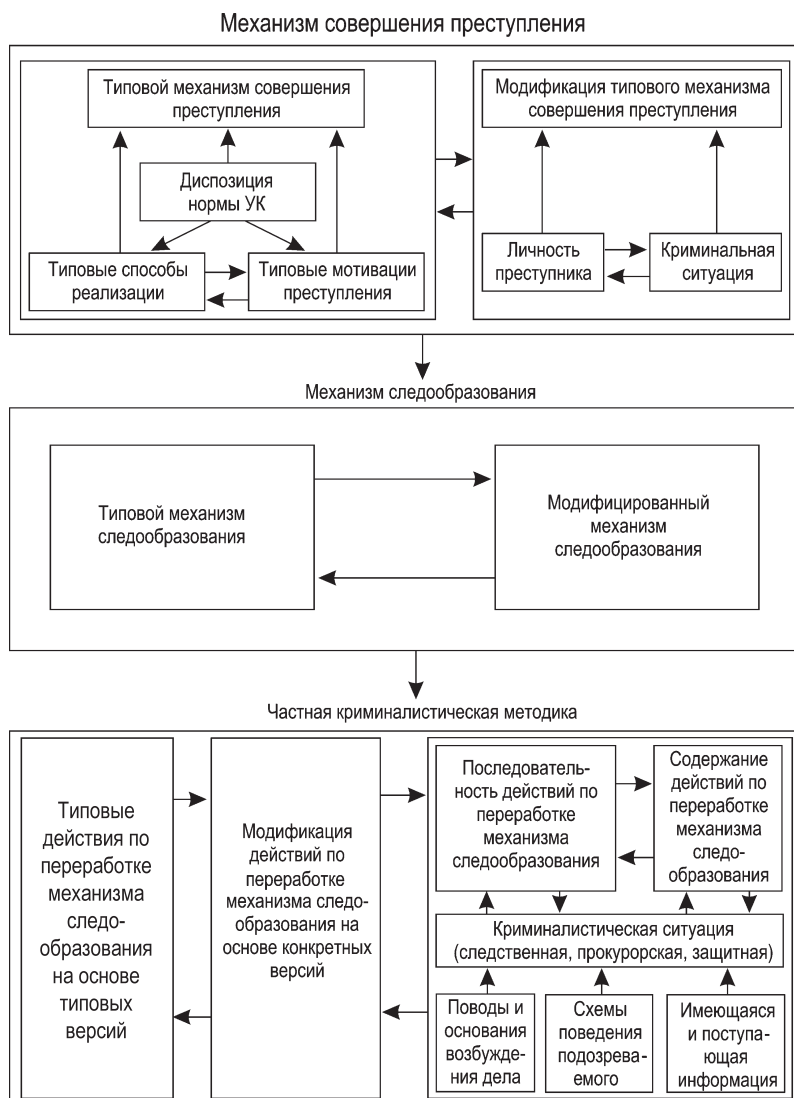
С методических позиций защитно-следственные ситуации можно поделить на возникающие при: а) защите от фактического уголовного преследования, связанные, в частности, с необходимостью реагирования на сам факт возбуждения уголовного дела, в той или иной степени касающегося подзащитного; производства отдельных следственных действий с этим лицом, например, допроса его в качестве свидетеля; производства в его же отношении следственных действий принудительного характера (обыска, выемки и т.д.); б) защите подозреваемого и (или) обвиняемого; в) собирании доказательств защитником в порядке ст. 86 УПК; г) ознакомлении с материалами завершеного расследования дела по обвинению подзащитного.

С данных позиций защитно-судебные ситуации могут быть квалифицированы на возникающие: а) на стадии предварительного слушания; б) в суде первой инстанции; в) при кассационном и надзорном производстве по уголовному делу. Отметим также, что определенные методические особенности профессиональной защиты существуют, когда одного обвиняемого (подсудимого) защищают несколько адвокатов, а также в условиях так называемых коалиционных и коллизионных защит³⁴.

Совершенно очевидно, что в реалиях современного уголовно-процессуального законодательства, основополагающим принципом которого является состязательность сторон, проблемы разработки как общих положений криминалистической методик, так и дифференцирующих их частных криминалистических методик, рассчитанных не только на следователя, но и на иных ее «потребителей» (прокурора, государственного обвинителя, адвоката-защитника, адвоката-представителя), в настоящее время значительно актуализировались.

³⁴ О сущности их см.: Баев М. О. Теория профессиональной защиты: Тактико-этические проблемы. М., 2006. С. 234—274.

Проведенное исследование прагматических основ криминалистической методики, на наш взгляд, позволяет: а) представить ее структуру и содержание в виде следующей схемы:

б) предложить следующую дефиницию этого раздела криминалистики: *криминалистическая методика представляет собой системы рекомендаций по организации, производству (участию в производстве) отдельных следственных, судебных и других действий, их содержанию, разрабатываемых для профессиональных субъектов уголовно-процессуального исследования преступлений на основе познания закономерностей механизма следообразования в результате совершения преступлений отдельных криминалистических видов и возможностей его переработки в зависимости от криминалистических ситуаций.*